DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-1-53-59

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

ЭЛИНА ЛЕОНИДОВНА СИДОРЕНКО, **доктор юридических наук, профессор, руководитель рабочей группы Государственной думы Российской Федерации по оценкам рисков оборота криптовалюты, заведующая лабораторией криминологического анализа и прогнозирования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, директор центра цифровой экономики и финансовых инноваций. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76). E-mail: 12011979@list.ru**

Аннотация: В работе рассмотрены отечественный и зарубежные подходы к определению виртуальной валюты как объекта гражданских прав. Основное внимание уделено законам Японии о правовом регулировании криптовалюты, рекомендациям финансового регулятора Швейцарии и основным трендам развития криптовалютного рынка в Германии. На основе изученных данных автор обоснованно заявляет о неготовности международного сообщества к разработке единых критериев противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в сфере регулирования оборота криптовалюты и предлагает на суд читателя анализ доктринальных позиций относительно юридической природы криптовалюты и токенов. Таким образом, предметом исследования стали основные научно-практические подходы к определению объекта гражданских прав с точки зрения их адаптивности к криптовалютам. Цель работы — поиск универсального алгоритма разрешения гражданско-правовых споров, связанных с оборотом криптовалюты в российской и зарубежной судебной практике. Посредством использования исторического, сравнительно-правового и диалектического методов, а также метода контент-анализа, проведены параллели между криптовалютами и отдельными объектами гражданских прав (вещью, имущественными правами, иным имуществом).

Ключевые слова: криптовалюта, токен, объект гражданских прав, правовой статус, гражданский оборот, имущество

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2018 года.

Сидоренко Э.Л. К вопросу о статусе криптовалюты в российском и зарубежном праве. *Государственная служба*. 2018. № 1. С. 53–59

ON THE STATUS OF THE CRYPTO CURRENCY IN RUSSIAN AND FOREIGN LAW

ELINA L. SIDORENKO, **Dr. Sci. (Law), Associate Professor**
Head of the working group of the state Duma of the Russian Federation on cryptocurrency turnover risk assessment,
Head of the Laboratory of Criminological Analysis and Forecasting, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Director of the Center for Digital Economy and Financial Innovation
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (76, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454). E-mail: 12011979@list.ru

Abstract: The paper considers domestic and foreign approaches to the definition of virtual currency as an object of civil rights. The main attention is paid to the laws of Japan on the legal regulation of the crypto currency, the recommendations of the Swiss financial regulator and the main trends in the development of the crypto-currency market in Germany. On the basis of the data studied, the author reasonably states that the international community is not ready to develop common criteria for combating the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism in the sphere of regulating the turnover of crypto-currencies and proposes an analysis of doctrinal positions regarding the legal nature of crypto-currencies and tokens.Thus, the subject of the study was the main scientific and practical approaches to the definition of the object of civil rights in terms of their adaptability to cryptocurrencies. The objectives of the work are the search for a universal algorithm for resolving civil disputes related to the circulation of crypto currency in Russian and foreign judicial practice. Through the use of historical, comparative legal and dialectical methods, as well as the method of content analysis, Parallels were drawn between cryptocurrencies and individual objects of civil rights (property item, property rights, other property).

Keywords: crypto currency, token, object of civil rights, legal status, civil turnover, property

Sidorenko E. L. On the status of the crypto currency in Russian and foreign law. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2018. №1. P. 53–59. In Russian

Введение

Отсутствие правовых гарантий защиты участников крипторынка на фоне беспрецедентной по объемам и темпам капитализации криптовалют ставит международное сообщество перед необходимостью выработки юридических признаков виртуальной валюты и единых стандартов ее оборота. Но, к сожалению, в настоящее время государства так и не пришли к консенсусу относительно того, является ли она законным объектом гражданских прав, может ли выступать средством платежа, какие этапы оборота криптовалюты должны быть взяты под особый финансовый контроль и на каких параметрах должна строиться система предупреждения легализации преступных доходов и финансирования терроризма (далее – ПОД/ФТ) с использованием современных цифровых активов.

На фоне отсутствия системного законодательного регулирования виртуальной валюты и токенов государства либо прибегают к анализу судебной практики разрешения отдельных споров, либо ограничиваются введением фрагментарных законоположений с целью минимизации отдельных угроз, либо оставляют вопросы оборота криптовалюты в компетенции финансовых регуляторов, и последние через специальные письма и предупреждения создают квазизаконодательство.

Рассмотрим основные подходы к рассмотрению юридического статуса криптовалюты.

Зарубежные подходы

В зарубежном праве выработано несколько подходов к определению виртуальной валюты. Она рассматривается как средство платежа, товар, финансовый инструмент (комодити), имущественное право и др. Ее статус закрепляется либо в специальном законодательстве, либо точечно прописывается в общих нормах оборота активов, либо отражается в рекомендациях центральных банков.

Особый интерес представляет японский подход к регулированию криптовалюты. 1 апреля 2017 года вступили в силу положения Закона «О внесении поправок в отдельные части банковского законодательства для реагирования на изменения в сфере развития информационно-телекоммуникационных технологий»[1]. Изменения коснулись законодательства о расчетах и противодействия легализации преступных доходов: в закон «О расчетах» было внесено определение криптовалюты и обозначены права и обязанности обменных предприятий (ст. 2 и ст. 63), а в законодательство о легализации преступных доходов – минимальные требования идентификации владельцев криптовалюты.

Виртуальная валюта определяется в законе «О расчетах» как «а) имущественная ценность, которая может использоваться для оплаты товаров, услуг и займов в отношениях с неопределённым кругом лиц, может быть предметом купли-продажи в отношениях с неопределённым кругом лиц и может быть перемещена с использованием систем электронной обработки данных, либо б) имущественная ценность, которая может взаимно обмениваться на предметы, обозначенные в п. 1 настоящей части, в отношениях с неопределённым кругом лиц, и может быть перемещена с использованием систем электронной обработки данных».

Детализируя признаки криптовалюты как имущественной ценности, законодатель подчеркивает, что она должна фиксироваться в электронных устройствах любого рода с использованием методов электронной записи. При этом закон проводит четкие различия между криптовалютой и электронными деньгами по признаку отсутствия у криптовалюты свойства эквивалентности.

Определение виртуальной валюты через абстрактную категорию «имущественной ценности» является, на наш взгляд, очень удачным способом ее идентификации. Законодатель одновременно определяет и ее статус, и функции (возможность быть предметом обмена, купли-продажи среди неопределенного круга лиц и др.), что делает это понятие устойчивым и одновременно гибким.

Нельзя не поддержать и подход к разделению криптовалют и токенов. В Японии регулируется два вида виртуальных активов: валюты первой и второй групп. Примером криптовалюты является биткоин. Любые другие виртуальные валюты, которые можно приобрести за биткоины у неопределенного круга лиц, но практически не используемые иным способом, являются токенами. Иначе говоря, если первые являются предметом абсолютных правоотношений, то вторые – относительных, где праву обладателя имущественной ценности корреспондирует обязанность эмитента токена.

Но не все токены могут быть отнесены к криптовалютам второго типа. Ключ к пониманию их природы заложен в определении понятия «неопределенный круг лиц».

В японской доктрине уже были высказаны мнения относительно подходов к толкованию этого термина. Так, Ёшихиро Катаока предполагает, что «неопределенность» лица создают не какие-либо договорные правоотношения (например, между магазинами, по соглашению о программе лояльности), но, скорее, одностороннее независимое решение каждого такого магазина принимать в расчетах определенные криптоединицы[2] [Сидоренко, 2016. С. 8].

В методических рекомендациях, выпущенных японским Агентством по финансовым услугам

1 情報通信技術の進展等の環境変化に対応するための銀行法等の一部を改正する法律案要綱. p.1..//http://www.fsa.go.jp

2 片岡義広, FinTechの現状と法的課題 (第4回) 仮想通貨の規制法と法的課題 (下) \\ NBL (New business law) (vol.1077), pp.82-89

(Financial Services Agency)[3], предложено толковать рассматриваемый термин ограничительно. Так, рассматривая, может ли криптоединица «использоваться для оплаты товаров, услуг и займов в отношениях с неопределённым кругом лиц» (п. 1), Агентство рекомендует ответить на следующие вопросы: ограничено ли число использующих данную криптоединицу магазинов на основании соглашения между её эмитентами и этими магазинам и контролируют ли эмитенты те магазины, где используется данная криптоединица.

В свете планируемых изменений российского законодательства этот подход заслуживает особого внимания. Дело в том, что уже сейчас в экспертных кругах остро встает вопрос о том, стоит ли проводить различия между собственно финансовыми активами и иными имущественными правами, имеющими электронную форму и закрепленными в распределенных реестрах. Предложенная японскими властями концепция позволяет провести это различие, определив зону оборота токенов как высоколиквидных финансовых инструментов (близких по функциям к средствам платежа) и собственно электронной формы обязательств между обладателем и эмитентом токена.

В пользу данного вывода свидетельствует и п. 2 рекомендаций Агентства по финансовым услугам, в котором уточняются оборотные свойства криптовалюты. Токен может быть признан виртуальной валютой второго типа, если ее можно купить у любого, помимо эмитента, лица и она обращается на официальных биржевых площадках. В этом случае эмитент токена приобретает правовой статус, близкий по статусу к криптообменнику.

Системный анализ японского законодательства дает основания предполагать, что криптоактивы, реализуемые конкретными лицами или вращающиеся в отдельных кругах, не будут признаваться валютой, что позволяет фактически разделить право вещное (виртуальная валюта) и обязательственное (токены).

Принципиально иной подход формируется в Европе.

В частности, в сентябре 2017 года швейцарский финансовый регулятор (FINMA), «осознавая инновационный потенциал технологии блокчейн и поддерживая усилия и деятельность по разработке и внедрению решений блокчейн в швейцарском финансовом центре», опубликовал руководство по проведению ICO (FINMA Guidance 04/2017 Regulatory treatment of initial coin offerings)[4]. Привлечение капитала, деятельность финансовых посредников регулируются существующими законами в отношении долговых обязательств, инвестиций, функционирования финансового рынка. Одним из принципов финансового законодательства является принцип «технологической нейтральности». Позднее, в феврале 2018 года, FINMA детализировал свои требования применительно к токеном, фактически отграничив их от криптовалют.

Общая идея оценки блокчейн-проектов состоит в приоритетном учете сущности ICO и токенов перед их формой.

Токены, в зависимости от их договорной основы, могут быть дифференцированы на четыре группы: платежные, которые не предоставляют прав на что-либо, утилити (используются для допуска к программам или услугам), капитальные (предоставляют право на получение дохода, права управления, физический товар и др.), гибридные (сочетают признаки двух и более видов).

Что же касается криптовалюты, то она рассматривается как платежный токен и не дает своему владельцу никаких прав, кроме права на расчеты. Выпуск таких активов рассматривается как выпуск платежных средств и подпадает под ПОД\ФТ нормы во время проведения ICO или после.

Подпадание под нормы ПОД\ФТ обязывает лицо присоединяться к саморегулируемой организации или выполнять требования закона под прямым контролем FINMA. Однако таких сложностей можно избежать, если организаторы ICO перепоручат соответствующую деятельность (например, сбор средств) компетентным лицам.

В декабре 2017 года FINMA также объявила о внесении поправок в циркуляр 2008/03 о публичных вкладах с не-банками, которые вступили в силу с 1 января 2018 года[5].

Документ содержит следующие положения для участников рынка:

– регулирование «песочниц» – ст. 6(2) (c) Постановления о банковской деятельности (Bank V) устанавливает, что компании могут выполнять свои информационные обязательства перед клиентами через свои веб-сайты при соблюдении необходимых условий;

– сумма публичных вкладов, превышающая 1 млн швейцарских франков (статья 6(4) Постановления о банковской деятельности), не должна сокращаться в течение отчетного срока, в течение крайнего срока подачи заявления о выдаче лицензии и в ходе процесса авторизации. Вместе с тем было отмечено, что компания должна соблюдать положения статей 6(2) (b) и (c) Постановления о банковской деятельности;

– регулирование деятельности дилеров криптовалюты сопоставимо с регулированием статуса трейдера на Форекс (статья 5(3) (c) банковского постановления).

Показательно, что операции с криптовалютой в Швейцарии не облагаются налогом на добавленную стоимость. В 2014 году с вопросом об обложении

3 http://www.fsa.go.jp

4 https://www.finma.ch

5 https://www.finma.ch/de/K/media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/rundschreiben/finma-rs-2008-03.pdf?la=de

налогом на добавленную стоимость Биткойн-ассоциация Швейцарии[6] обратилась в Швейцарскую федеральную налоговую администрацию. Было принято решение НДС к биткойну не применять, поскольку передача биткойна не представляет собой поставку товаров или услуг[7]. Оплата биткойнами рассматривается налоговыми органами, как и любой другой способ оплаты.

Данное положение, однако, не распространяется на токены, имеющие природу обязательств. В этом случае режим налогообложения напрямую зависит от договорной основы проекта.

Таким образом, в Швейцарии, в отличие от Японии, регулирование оборота криптовалюты осуществляется на уровне финансового регулятора (FINMA), но предполагает ряд обязательных требований, обращенных к кредитным организациям в части ПОД/ФТ и лицензирования финансовой деятельности.

Можно обратить внимание и на позиции немецких властей в части правового регулирования оборота криптовалюты.

Федеральное управление финансового надзора Германии (далее – BaFin)[8] признало криптовалюты финансовым инструментом. Не требуется специальных разрешений на следующие виды деятельности: обмен криптовалют, передача и принятие их в качестве оплаты, майнинговая деятельность, купля-продажа криптовалют. Исключение составляет коммерческая деятельность. По закону Германии о банковской деятельности, к ней относятся: услуги сайтов-кошельков по хранению криптовалют, управление криптовалютой для выгоды её владельцев, краудлендинг[9] (продажа долговых обязательств через Интернет), краудинвестирование[10] (продажа инвесторам через Интернет либо прав на получение будущих доходов от финансируемого предприятия, либо долей или ценных бумаг) и др.

Показательно, что за нарушение требований участники рынка несут уголовную ответственность за совершение финансовых преступлений.

Российский подход

В настоящее время в России статус криптовалют не определен. Письма Центрального банка РФ и Росфинмониторинга 2014 года подчеркивали высокие риски оборота криптовалюты и содержали предостережения относительно участия в криптовалютных операциях.

4 сентября 2017 года Банк России издал очередное письмо о высоких рисках при использовании и инвестировании в виртуальные валюты. В нем отмечается, что большинство операций совершается вне правового регулирования как России, так и большинства других государств. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Центральным банком[11]. В числе основных рисков криптовалюты Центральный банк РФ назвал техническую опасность злоупотреблений при выпуске и обращении токенов, а также криминологические риски в случае обмена криптовалюты на фиатную валюту.

Начало 2018 года ознаменовалось активной законопроектной деятельностью. Было опубликовано несколько проектов федеральных законов:

– проект Федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах»[12] (разработчик – Министерство финансов);

– проект Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»[13] (разработчик – Банк России);

– проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (разработчик – Банк России)[14];

– проект Федерального закона о легализации майнинга с механизмом специального обнаружения майнеров по структуре потребления тока и интернет-трафика[15] (разработчик – Министерство связи и массовых коммуникаций).

В законопроектах предложено разграничить правовой статус криптовалют и токенов, определить смарт-контракт как договор, создать институт краудинвестинга и детализировать порядок проведения ICO (оферта компании-эмитента, регистрация токенов, идентификация пользователей-приобретателей); а также ввести ограничения на оборот криптовалюты (согласно предложению Минфина России, открыть пилотные площадки в отдельных регионах, в соответствии с предложением Центробанка – полностью запретить оборот криптовалюты и токенов на территории Российской Федерации, за исключением токенов, эмитированных российскими компаниями).

По мнению разработчиков, принятие рамочного закона с детализацией признаков криптовалюты позволит закрепить за ней статус объекта гражданских прав и решить большинство правовых коллизий.

Куда более сложным является вопрос о том, следует ли выделять криптовалюту в качестве отдельного вида имущества и стоит ли проводить различия между ней и иными токенами [Сидоренко, 2017. С. 150].

В российской юридической науке виртуальная валюта рассматривается преимущественно в рамках исследования объектов гражданских прав [Архипов,

6 https://www.bitcoinassociation.ch

7 https://www.bitcoinassociation.ch/blog/no-vat-on-bitcoin-in-switzerland/

8 Орган, надзирающий за деятельностью банков и иных финансовых учреждений в Германии

9 https://www.bafin.de

10 https://www.bafin.de

11 http://www.cbr.ru

12 https://www.minfin.ru

13 http://www.cbr.ru

14 http://www.cbr.ru

15 https://www.vedomosti.ru

2014. С. 70]. Однако, несмотря на разнообразие и широту предлагаемых позиций, ни ученым, ни практикам не удалось достигнуть единого понимания в вопросе о том, к какому объекту гражданских прав относится криптовалюта и допустимо ли вообще рассматривать ее как предмет гражданских правоотношений [Рузакова, Гринь, 2017. С. 510].

Одни авторы настаивают на признании криптовалюты вещью [Булгаков, 2016. С. 80], другие видят в ней имущественные права, третьи придают ей статус иного имущества [Токарчук, 2014. С. 80]. Считая излишним детальный анализ существующих позиций, обратимся к оценке сущностных признаков объектов гражданских прав.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), к ним относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Судебная практика в Российской Федерации

На настоящий момент судебная практика выработала ряд устойчивых признаков предмета гражданских правоотношений. Обозначим основные из них:

– *отсутствие четкой зависимости между физическими и правовыми свойствами вещи*. Одинаковым статусом могут обладать как предметы, имеющие индивидуально-определенные физические параметры, так и объекты со специфическими формами визуализации. Вещные права на них возникают не из-за их физических свойств, а в силу потребностей общества в их регулировании (например, энергия, газ, микроорганизмы, органы и ткани человека и др.).Как справедливо отмечает С.А. Синицын, «признанное законодательством качество и свойство вещи как объекта гражданских прав предопределены совокупностью факторов: потребностями гражданского оборота, физическими свойствами самой вещи, законодательной регламентацией и причислением отдельных объектов к видам вещей (пусть и особого рода). Именно потребности оборота являются фактором вынужденного распространения на объекты гражданских прав, не являющихся, по своей сути, вещами, правового режима вещи, включая и правовые последствия ее оборота» [Синицин, 2016. С. 7]. Автор верно уловил главные свойства вещи – ее востребованность и необходимость в гражданско-правовом регулировании. А это значит, что та или иная сущность приобретает статус вещи, если она признается таковой де-юре и вводится в легальный гражданский оборот. Иначе говоря, если то или иное явление не получило правового выражения, оно не может признаваться вещью. Подтверждением данного вывода является решение Верховного суда Российской Федерации не признавать самовольное строение вещью ввиду того, что оно «не введено в гражданский оборот и не может в нем участвовать: с ним нельзя совершать какие-либо гражданско-правовые сделки, право на него не может быть установлено и зарегистрировано» [16].

Таким образом, можно заключить, что в современном российском праве криптовалюта не может быть признана вещью на том основании, что ее статус не получил легального выражения. На том же основании ее нельзя отнести и к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам. Долгое время ученые предлагали признать безналичные деньги вещами, но в ст. 128 ГК РФ они получили статус самостоятельных объектов гражданских прав, что стало лишним подтверждением их особых экономических свойств;

– *необходимость обладания всеми объектами гражданских прав признаком оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ).* Это означает, что объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте. Существование режима ограниченности гражданского оборота дало исследователям повод говорить о криптовалюте как об объекте гражданских прав, ограниченном в обороте [Воронцова, 2018]. Однако с этой позицией сложно согласиться на том основании, что ограниченность оборота того или иного имущества должна быть закреплена в законе.

В постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2012 года по делу № А28-9032/2011, «виды объектов гражданских прав, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота, либо нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению (объекты, ограниченно оборотоспособные), определяются в порядке, установленном законом. По мнению суда, это означает, что в законе должны предусматриваться исходные критерии отнесения объектов к ограниченно оборотоспособным и указываться государственные органы, уполномоченные определять конкретные их виды: шифровальная техника, радиоактивные вещества, яды и наркотические средства и т.д.» [17].

В отличие от предметов с особым режимом оборо-

16 Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденного Президиумом Верховного суда 06.07.2016 // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2017. № 1, январь (извлечения).

17 Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2012 года по делу № А28-9032/2011// Правая система «КонсультантПлюс» (д.о.: 20.02.2017)

та, криптовалюта не закреплена в законе в качестве объекта гражданских прав, а значит, и не обладает оборотоспособностью. В этом смысле она приближена к объектам, изъятым из оборота, поскольку не может быть оценена в денежной сумме. Согласно постановлению ФАС Поволжского округа от 24 мая 2010 года по делу № А57-5480/2009, «изъятые из оборота вещи не могут каким-либо образом отчуждаться или переходить от одного лица к другому, а, следовательно, такие вещи не могут иметь и товарную (денежную) стоимость, определяемую потребительскими свойствами товара» [18];

– *согласно логике закона, возникновение имущественных прав только в случае установления круга обязанных и управомоченных лиц*. И хотя в перечень имущественных прав включается вещное право (например, правомочия собственника), суды рассматривают их в рамках обязательственного права [19] как правомочие, обладающее определенной материальной ценностью и способное самостоятельно участвовать в гражданском обороте.

По сути, имущественным признается право требования, которое может переходить другим лицам в порядке либо частного, либо универсального правопреемства. В этом контексте криптовалюту сложно признать имущественным правом, поскольку невозможно определить круг обязанных лиц.

Сложно признать криптовалюту и вещным правом на том основании, что в данном случае отсутствует возможность непосредственного воздействия на вещь;

– *трактовка закрепленного в ст. 128 ГК РФ понятия «иное имущество» в отсутствие его легальной дефиниции*, позволяющая некоторым специалистам неоправданно расширять его границы. В частности, нельзя согласиться с мнением, что квалификацию криптовалюты в качестве иного имущества можно сравнить с квалификацией непоименованного договора [*Воронцова А.А.*]. Автор, однако, оставляет без внимания одно весьма существенное свойство иного имущества – оно имеет особый режим оборота, прописанный в отдельных нормативных актах (например, электронная энергия, радиочастотный спектр и др.). Если же такой режим отсутствует, объект не может быть признан иным имуществом. В этой связи весьма показательным является постановление ФАС Северо-Западного округа от 9 ноября 2007 года № А56-50410/2005: «Отказывая в удовлетворении иска о признании права собственности на футбольное поле с газонным покрытием и предохранительную зону, суд пришел к выводу, что указанные объекты в отсутствии их особого режима оборота не могут быть самостоятельными объектами права и являются принадлежностью соответствующего земельного участка» [20].

На основании вышеизложенного следует признать, что предметами гражданских правоотношений могут считаются объекты, если они отвечают следующим признакам:

1) полная либо частичная регламентация их имущественных свойств на нормативном уровне;

2) оборотоспособность, или способность участвовать в легальном гражданском обороте;

3) наличие общего или специального правового режима, который предусматривает регламентацию прав субъектов правоотношений, механизмы их регулирования и защиты.

Преломляя эти признаки под свойства криптовалюты, можно заключить, что она не является ни вещью, ни имущественным правом, ни иным имуществом, и, следовательно, не может быть признана объектом имущественных прав де-юре [Сидоренко, 2017. С. 190].

Данный подход уже давно вышел за рамки теории и прочно укрепился в судебной практике. Так, согласно утверждению суда, к объектам гражданских прав не может относиться налог (постановление арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 апреля 2015 года № Ф02-1313/2015 по делу № А33-8699/2014), так как он не может быть приравнен к имущественным правам, посевы сельскохозяйственных культур (постановление восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2014 года № 18АП-5837/2014 по делу № А07-22617/2013) из-за отсутствия правового режима незавершенного производства, а также самовольные строения (обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденный Президиумом Верховного суда РФ 6 июля 2016 года), ввиду нарушения режима регистрации имущества и др.

Очевидно, что и криптовалюта не может быть объектом гражданских прав ввиду отсутствия правовых гарантий участников сделки.

Так, в 2014 году был заключён договор купли-продажи между ИП Абрамовым А.С. и ООО «Виктория». Вопрос о криптовалютах в процессе появился, когда к нему было привлечено третье лицо — сингапурская компания *Magna Trading Ltd*. Как утверждалось, Абрамов А.С. занял у иностранной фирмы 5 млн сингапурских долларов для покупки недвижимости в Хабаровском крае, однако в положенный срок деньги не отдал. В суде Абрамов А.С. заявил, что вернул заем посредством перевода в криптовалюте. Этот довод судом был оценен критически, поскольку он «не подтверждает факта оплаты денежных средств ответчику по договору займа». Позднее вступившим в силу решением арбитражного суда Дальневосточ-

18 Постановление ФАС Поволжского округа от 24 мая 2010 года по делу № А57-5480/2009 // Правая система «КонсультантПлюс».

19 На это, в частности, указывает ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации.

20 Постановление ФАС Северо-Западного округа от 9 ноября 2007 года № А56-50410/2005// Правая система «КонсультантПлюс».

ного округа было окончательно закреплено: криптовалюта и виртуальная валюта не расцениваются судами как деньги[21], а обязательства Абрамова А.С. не считаются выполненными.

Выводы

Таким образом, в действующем российском праве криптовалюта не является объектом гражданских прав и, как следствие, не может быть предметом преступного посягательства (мошенничества, кражи, вымогательства и др.). В этих условиях говорить о правовой защите прав владельцев виртуальной валюты в российском праве вряд ли возможно.

А потому желание законодателя ввести в законодательство правовой статус криптовалют, независимо от вектора регуляторики, можно только приветствовать. Принятие рамочного закона с детализацией признаков криптовалюты позволит закрепить за ней статус объекта гражданских прав и решить большинство правовых коллизий.

Куда более сложным является вопрос о том, следует ли выделять криптовалюту в качестве отдельного вида имущества и стоит ли проводить различия между ней и иными токенами.

Несомненно, криптовалюта обладает рядом устойчивых экономических и технических характеристик, выделяющих ее из разряда других объектов гражданских прав. В этой связи закономерным будет ее закрепление в ст. 128 ГК РФ в качестве отдельной правовой категории наряду с электронными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами [Сидоренко, 2017. С. 180].

21 Сайт «Судебные и нормативные акты РФ// http://sudact.ru/arbitral

Литература

Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр. *Закон*. 2014. № 9. С. 69–90.

Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн. *Закон.* 2016. № 12. С. 80–88.

Воронцова А.А. Гражданский оборот. *СПС КонсультантПлюс*. 2018.

Рузакова О.А., Гринь Е.С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2017. № 4. С. 508–520.

Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки. *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2016. № 6. С. 8–10.

Сидоренко Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты. *Экономика. Налоги. Право*. 2017. № 6. С. 147–155.

Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен. *Общество и право*. 2016. № 3 (57). С. 193–197.

Сидоренко Э.Л. Стратегии регулирования криптовалюты в российском законодательстве: прогнозы на будущее. *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2017. № 2. С. 176–183.

Синицын С.А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации. *Законодательство и экономика*. 2016. № 11. С. 7–17.

Токарчук Р.Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения. *Российский юридический журнал*. 2014. № 3. С. 78–83.

References

Arhipov V. V. Virtual property: systemic legal issues in the context of the development of the computer games industry. *Zakon*. 2014. № 9. P. 69-90. In Russian

Bulgakov I. T. Legal issues of the use of blockchain technology. *Zakon.* 2016. № 12. P. 80-88. In Russian

Ruzakova O. A., Grin E. S. Application of blockchain technology to the systematization of intellectual activity results. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki.* 2017. N 4. P. 508-520. In Russian

Sidorenko E. L. Criminal use of crypto-currencies: international assessment. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija*. 2016. № 6. P. 8-10. In Russian

Sidorenko E. L. Criminological risks of turnover of crypto currency. *Ekonomika. Nalogi. Pravo.* 2017. № 6. P. 147-155. In Russian

Sidorenko E. L. Crypto currency as a new legal phenomenon. *Obshhestvo i pravo*. 2016. № 3 (57). P. 193-197. In Russian

Sidorenko E. L. The strategy of regulating cryptocurrencies in the Russian legislation: predictions for the future. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 2. (t 21) P. 176-183. In Russian

Sinicyn S. A. A property item as an object of civil rights: possible and proper identification criteria. *Zakonodatelstvo i ekonomika*. 2016. N 11. P. 7-17. In Russian

Tokarchuk R. E. Gaps and excesses of the criminal legislation of the Russian Federation concerning some forms of theft. Ways to eliminate them. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*. 2014. № 3. P. 78–83. In Russian

Voroncova A. A. Civil circulation. *SPS KonsultantPljus.* 2018. In Russian